

Ю. А. КАРПЕНКО

СТАНОВЛЕНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ТОПОНИМИИ (Закономерности словообразования)

Древнейшие восточнославянские названия населенных пунктов являются по происхождению прилагательными. Прилагательный характер этого класса топонимов обнаруживается только в их словообразовании, но не в синтаксических функциях. (Синтаксически все эти топонимы уже в самых старых памятниках стали существительными.

В частности, в «Повести временных лет» названия населенных пунктов обычно употребляются без номенклатурного имени (*городъ, село* и т. п.), если речь идет об известных читателю поселениях: «Съ горы сея, йде же послѣже бысть *Киевъ*», «Иствориша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему *Киевъ*»¹ и т. д. Значительно реже подобные топонимы встречаются в начальной летописи с номенклатурным названием, причем последнее, как и в современном языке, стоит перед топонимом, а не после него: «въ свой *градъ Киевъ*» (13), «от *города Киева*» (25), «в *градъ Киевъ*» (47), «град *Юрьевъ*» (101), «в *градъ Переяславль*» (148).

В подобных словосочетаниях, возможно, процесс субстантивации еще не завершился и топонимы сохраняли в какой-то мере функции прилагательного. Сравните случаи, впрочем редкие в «Повести», препозитивного употребления топонима «в *Корсунѣ градѣ*» (77) с иноязычным топонимом. Особенно выразителен пример с употреблением членной формы прилагательного: *Торцийский град*; в дальнейшем тексте этот топоним употребляется без номенклатурного названия, субстантивированно: к *Торцьскому, Торцьскый* (143—145). Сравните также употребление

¹ Повесть временных лет (по Лаврентьевской летописи), ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 12—13. Дальнейшие ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте в скобках.

в «Повести временных лет» подобных топонимам образований в нетопонимической, притяжательной функции, где они являются обыкновенными прилагательными: «на перевозъ на киевъ» (13), «Не в давидовъ городъ» (то есть в одном из городов, принадлежащих Давыду Игоревичу).

Если синтаксис старых восточнославянских памятников показывает лишь слабые и довольно сомнительные следы прилагательности названий поселений¹ то словообразование выявляет это со всей отчетливостью. При этом словообразование обнаруживает связь с прилагательными у названий не только населенных пунктов², но и прочих классов топонимов.

Вся топонимия «Повести временных лет», имеющая славянское происхождение или подвергшаяся славянской перестройке, по своему отношению к прилагательным может быть распределена на четыре группы:

1. Топонимы, прилагательные как по происхождению, так и по употреблению. Они употребляются всегда с определяемым номенклатурным именем. К этой группе принадлежат все названия морей, лесов, почти все названия гор и холмов, многие топонимы иных классов: «в море Варяжское» (11), «в море Хвалисьское» (12), «до Понетского моря» (10), сравните без морфологической перестройки: «в Понтъ море» (11) и даже вообще без номенклатурного имени: «воеваху по Понту» (33); «Кавкаисинския горы, рекше Угорьски» (10); «к горамъ хъ киевскимъ» (20); «на Болдиных горах» (128); «повелѣ рубити городъ на Вытечевъ холму» (149); «из Оковьскаго лѣса» (11) «до Чешьскаго лѣса» (159); «дошедшу ему Черные рѣки» (19).

Встречающиеся в «Повести» многочисленные названия стран и земель, если они употребляются с номенклатурным именем (а это случается довольно часто), также относятся к этой группе: «Угорьска земля и Болгарьска» (11), «дабы не воевал Грецькие земли» (24) и т. д. Однако без номенклатурного имени: «Иде Святославъ на Дунай на Болгары» (47), «из Угорь» (48), «на Грькы» (103).

2. Топонимы, прилагательные лишь по происхождению, а по употреблению ставшие уже существительными, то есть субстантивировавшиеся. К этой группе принадлежит прежде всего большинство упомянутых в «Повести» названий поселений,

¹ Впрочем, одна синтаксическая конструкция, сохранившаяся в современном языке, своим происхождением, по-видимому, обязана тому факту, что в древности топонимы были прилагательными. Речь идет о сочетании номенклатурных названий с препозитивными топонимами типа *Чернигов-город*, *Москва-река*. Продуктивность последнего сочетания засвидетельствована образованием *Замоскворечье*.

² Отприлагательное происхождение старейших русских названий поселений рассмотрено в нашей статье «Давньоруська основа словотвору української топоніміки». В «Питання історичного розвитку української мови». Харьков, 1962, стр. 290—297.

а также отдельные имена рек: «на *Смядинъ* (92), «на *Золотьчи*» (182), отер: «на *Долобьскъ*» (183, 190), урочищ: «в *Радосыни*» (192).

3. Топонимы, которые по происхождению относятся к именам существительным, однако образованы от имен прилагательных. Это названия киевской горы *Щековица*, возможно, р. *Салница*, урочищ *Вороница*, *Рудица*. Образование подобных имен представляется таким: прилагательное *рудъ* — существительное *Рудица*; существительное *Щекъ* — прилагательное *Щековъ* — существительное *Щековица*, сравните: «Щекъ сѣдыше на горѣ, гдѣ же ныне зовется Щековица» (13).

4. Топонимы, не выявляющие никаких связей с прилагательными. Сравните имя р. *Медвѣдица* (169), названия поселений *Верестье*, *Прилук*. Подобных названий среди славянской топонимики «Повести» удивительно мало. При этом некоторые из них косвенно тоже могут быть связаны с прилагательными.

Например, имя горы *Хоревница* (13), образованное от существительного *Хоривъ* и названное рядом с именем *Щековица*, имеет в своем составе звуко сочетание *-ев*, которое, по-видимому, воспринималось как суффикс прилагательного. Ведь написано же в списках «Повести» именно *Хоревница*, с *e*, хотя имя это образовано от *Хоривъ* (с *и*). Для понимания этой группы топонимов, возможно, показательно имя днепровского о. Хортица, имеющее в «Повести» форму: «в *Хортичем* островѣ» (194). Имя *Хортица* никаких следов прилагательности не имеет, однако его предок в «Повести» — обычное прилагательное.

В этой связи весьма характерными для древнерусской топонимии оказываются названия днепровских порогов, зафиксированные в середине X в. Константином Багрянородным. Все этимологически ясные названия порогов являются прилагательными, причем два из них употреблены с номенклатурным именем, то есть относятся к прилагательным не только по словообразованию, но и синтаксически¹.

В «Повести временных лет» и иных древнерусских памятниках есть еще одна — и весьма многочисленная — группа не связанных с прилагательными топонимов-существительных. Это определенно неславянские образования или имена с неясной этимологией. Особенно много их среди названий рек (*Волга*, *Ворскла*, *Десна*, *Днепр*, *Днестр*, *Полота*), а также среди имен народов и племен². Последние, понятно, также преимущественно иноязычны. Там же, где выступает не самоназвание народа, а сла-

¹ А. И. Толкачев. О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного «De administrando imperio». В кн.: «Историческая грамматика и лексикология русского языка». М., 1962, стр. 36—37.

² Названия народов не относятся к топонимам, однако тесно к ним примыкают. В Киевской Руси к тому же названия народов и соответствующих стран, как правило, тождественны. Такое состояние частично сохранилось, например, в польском языке.

вянское его имя, оно, как правило, образовано от прилагательного: *немицы, половцы*. Это правило не распространяется на названия славянских племен, ибо они также являются самоназваниями.

Таким образом, топонимический материал «Повести временных лет» и других источников позволяет сделать два существенных вывода, касающихся славянской и славянизированной топонимии периода Киевской Руси: 1) восточнославянская топонимия в своей массе обнаруживает генетическую зависимость от прилагательных; 2) в период появления письменных памятников множество топонимов переходило или перешло из прилагательных в существительные.

Топонимы, как известно, служат знаками для различения одинаковых географических объектов и поэтому обычно выступают как их признаки. Это означает, что грамматически топонимы рождались как определения к номенклатурным названиям — нарицательным именам географических объектов. Такой путь у славян, по-видимому, был повсеместным и в значительной мере сохранился до сих пор, особенно для тех названий, которые употребляются не так уж часто или малоизвестны.

Учитывая характер древнерусской топонимии, следует подчеркнуть, что речь идет не об одной структурной особенности топонимических названий, а вообще о становлении, формировании топонимов. Топонимами становились или дифференцирующие определения к нарицательным названиям географических объектов, или сами эти названия без появления при них дифференцирующих определений. Второй путь для славян мало типичен, однако он обильно представлен в старой топонимии некоторых других народов. Условиями его продуктивности были, по-видимому, наличие в языке многочисленной географической номенклатуры и небольшие размеры территории, занимаемой языком.

Нет достаточных оснований, по которым можно было бы судить, как долго у славян длился «прилагательный этап» развития топонимии. Нельзя даже утверждать, что он был первым, что ему не предшествовал какой-либо иной этап. Однако можно заключить, что древнерусская топонимия структурно (но не семантически!) отделилась от нарицательных значительно меньше, чем современная топонимия восточных славян.

Дальнейшее структурное обособление топонимии заключалось в постепенной замене «прилагательного этапа» «существительным этапом».

Если, как отмечалось, более логично называть географические объекты двумя словами (определение и определяемое), то именовать их одним словом — более экономно. Функционирование топонимов и приводит к распадению старых топонимических словосочетаний. Отпадает, понятно, общее для множества топонимов (то есть определяемое), а не различительное. Определе-

ние-прилагательное в результате этого процесса субстантивируйся, становится существительным. Такой процесс проходит прежде всего у наиболее часто употребляемых топонимов.

Появлению топонимов-существительных значительно способствовал тот факт, что в древнерусском языке, как и в прочих языках, употреблялось множество иноязычных топонимов, которые были для восточных славян чаще всего существительными.

При переходе в другой язык слово обычно теряет этимологическую прозрачность, внутреннюю форму. Поэтому независимо от грамматических свойств в языке-источнике заимствованные гипонимы у восточных славян обычно оформлялись как существительные, поскольку они были названиями предметов — географических объектов.

Сближение восточнославянских топонимов с существительными, ярко проявившееся уже в древнейших письменных памятниках, привело к важным сдвигам в их грамматических свойствах, а особенно в их словообразовании.

Поскольку топонимы стали не уточнять, а заменять номенклатурное имя, то есть стали полноправными существительными, то со временем появились и новые топонимические модели, образующие названия по типу существительных, например *Олешье, Ольжини, Торонец, Переволока*. Проникновение существительного начала в словообразование топонимов можно считать признаком того, что понимание топонимических названий как существительных стало в языке ведущим, господствующим. Процесс этот не был одновременным ни для разных классов топонимов, ни для разных территорий Киевской Руси.

Прежде всего существительными стали имена рек, так как в этом классе топонимов было наибольшее количество иноязычных названий.

В восточнославянских названиях населенных пунктов существительные модели появились, по-видимому, в XI в. Прочие классы топонимов, статистически менее весомые в языке, претерпели подобное изменение позже, а часть из них, как, например, названия морей, осталась на прилагательном этапе до сих пор.

Чем меньше топонимов одного класса, тем больше оснований для сохранения в составе этих топонимов номенклатурного названия, поскольку топонимы разных классов должны отличаться друг от друга. Поэтому различение топонимических классов, как правило, осуществляется (помимо дифференциации словообразовательных аффиксов) таким образом, что одни классы теряют номенклатурное название, а другие сохраняют его в составе топонимического имени¹. При этом маркированность по при-

¹ Речь идет о сохранении номенклатурного названия именно в с о с т а в е топонима. Вообще-то с номенклатурным названием может употребляться любой топоним, например *река Волга, город Москва, Черное море*. Однако топонимы типа *Черное море* не употребляются без номенклатурных названий, а топонимы типа *Волга, Москва* могут сколько угодно употребляться без них, будучи сами по себе достаточными для обозначения географических объектов. Иными словами, речь идет о парадигматическом различении топонимических классов внутри языка (и ўже — внутри топонимической системы), а не о синтагматическом различении топонимических классов внутри языка.

знаку «наличие номенклатурного названия» сохраняется за менее употребительными топонимическими названиями. Поэтому, когда названия рек, а затем населенных пунктов в древнерусском языке стали пониматься как существительные, названия прочих топонимических классов еще оставались прилагательными. В дальнейшем число последних уменьшилось и противопоставление топонимических названий по отсутствию или наличию номенклатурного имени, таким образом, перестроилось.

Когда старые восточнославянские топонимы, и прежде всего названия рек и населенных пунктов, стали существительными, то они уже в древнерусский период обрели ряд новых грамматических свойств. Эти их новые свойства хорошо обнаруживаются в названиях поселений и плохо — в названиях рек. Дело, по-видимому, в том, что названия рек были в готовом виде получены от предшествующего периода и новых претендентов на получение имени обычно не появлялось. Когда же имя реки по тем или иным причинам менялось, то новое имя создавалось под давлением массы уже существующих старых имен и поэтому структурно от них не отличалось. Что же касается названий населенных пунктов, то тут изменчивость самих объектов вызывала нужду в новых именах, а это и давало возможность проявиться новым свойствам.

Прежде всего речь идет о массовом проникновении в топонимию словообразовательных моделей существительных.

Топонимия заимствовала лишь небольшую часть словообразовательных средств — суффиксов, употребляющихся в кругу имен существительных. Однако те средства, которые были заимствованы, стали в топонимии очень продуктивными — каждое на какой-либо определенной территории.

Топонимические биографии суффиксов существительных для восточнославянского ареала еще не написаны. Но в порядке предварительного наблюдения можно отметить, что они были отобраны в топонимию из богатого словообразовательного арсенала существительных по функциональному признаку. В топонимические названия проникли: 1) некоторые предметные суффиксы, в частности образующие названия местностей (*-ье, -ище*); 2) из личных суффиксов только те, которые образуют названия людей по происхождению или по местности (*-ичи, -аха, -яне, -цы*); 3) уменьшительные суффиксы, очень удобные для того, чтобы определять с их помощью соотношение

географических объектов по величине, значению и т. д. (-ец, -ка, -ок). В общем топонимия взяла то, что для нее оказалось приемлемым.

Не обрел топонимической активности ни один заимствованный суффикс.

Вместе с суффиксами существительных в восточнославянской топонимии появились и сложные названия, построенные по моделям этой части речи. Из предложных сочетаний развился своеобразный тип префиксальных топонимов-существительных¹, употребительных также и среди имен нарицательных. При полном господстве суффиксации этот бессуффиксальный тип, впрочем, не приобрел сколько-нибудь серьезного влияния и фактически даже не создал топонимической словообразовательной модели. Каждый новый топоним типа *Замовила*, *Подкрай* не создается по образцу уже существующих, а должен самостоятельно развиваться из предложных сочетаний *за могилой*, *под краем* и т. д.

Наоборот, топонимы типа *Подолье* образовали довольно устойчивую, хотя и малопродуктивную, модель, поскольку они имеют не только префикс, но и суффикс. Эта модель закрепилась за классом названий местностей, например *Заволочье*, *Запорожье* (сравн. старые названия частей Пскова, — *Завеличье* и *Запсковье*, расположенных соответственно за реками *Великой* и *Исковой*), *Межибожье*, *Обонежье*, *Покутье*, *Полесье*. Названий типа *Запорожье*, по-видимому, в славянском мире меньше, чем названий типа *Замогилы*. Однако первый тип определенно обладает способностью порождать новые названия по образцу существующих без промежуточного этапа — существования топонима в виде предложной конструкции.

Суффиксы существительных, утвердившись в восточнославянской топонимии, стали определять ее лицо. На один уровень с ними встали и старые суффиксы прилагательных -ов, -ин, фактически превратившись в пределах топонимии в суффиксы существительных, так как топонимы с этими суффиксами субстантивировались и, сохранив нечленное склонение, полностью оторвались от прилагательных.

Эта мощная словообразовательная группа восточнославянской топонимии оказала определенное воздействие на все прочие топонимические словообразовательные группы, перестраивая или пытаясь перестроить их по своему образцу и подобию. В частности, это относится к топонимическим метонимиям и новым субстантивированным прилагательным.

Заметное место в славянской топонимии занимают названия, которые стали топонимическими без каких-либо изменений

¹ М. Karaś. Nazwy miejscowe typu Podgóra, Zalas w języku polskim i w innych językach słowiańskich. Wrocław, 1955; И. Д у р и д а н о в . Префиксально-именный тип в болгарски и цеговото значение за топонимичната стратиграфия. «Onomastica», rocznik VI, 1960, стр. 121—186.

в своем строении, например *Буда, Долина, Дуброва, Курган*. Основой превращения нарицательного имени в собственное в этом случае является, как правило, ассоциация по смежности, метонимия¹, поэтому подобные топонимы можно условно назвать топонимическими метонимиями. Эта группа объединяет три генетически различных типа.

Наиболее старые топонимы этого рода — имена настолько значительных по размерам географических объектов, что для их наименования достаточно было только номенклатурного термина: иные объекты того же вида воспринимались как несравнимые с ними. Таковы топонимы *Поле* — старое название степи, расположенной к югу от восточнославянских племен, *Горы* или *Горбы* — старое славянское название Карпат. Превращение подобных имен из нарицательных в собственные обусловлено не какими-либо языковыми процессами, а самой объективной действительностью. К явлениям этого рода относится, например, наименование просто *Городом* большого населенного пункта в близлежащих селах. Имена эти воспринимаются носителями языка не столько как топонимы, сколько как их общепринятые заменители. Данная группа названий существует издавна, она существовала и тогда, когда в языке господствовало понимание собственно топонимов как прилагательных.

Вторую группу топонимических метонимий образуют названия, возникавшие при распаде старых топонимических словосочетаний, если по каким-либо причинам сохранялось не дифференцирующее определение, а определяемое номенклатурное название. Обычно, как отмечалось выше, сохраняется не номенклатурное название, а дифференцирующее определение к нему. Поэтому данная группа топонимических метонимий очень немногочисленна. Обнаружить ее представителей трудно еще потому, что они ничем не отличаются от прочих групп топонимических метонимий. Выявляются они лишь в том случае, если зафиксирован факт распада топонимического словосочетания. Топонимы этого рода возникали, понятно, только со времени распада старых топонимических словосочетаний, то есть в период перехода восточнославянских топонимов из прилагательных в существительные.

Когда же в языке закрепилось понимание топонимических названий как существительных, полностью заменяющих собой номенклатурное название, стала возможной еще одна группа топонимических метонимий, ныне самая многочисленная. Именем собственным становилась какая-либо примета географического объекта, выраженная существительным. Такие названия наиболее часто присваивались населенным пунктам. В старых текстах

¹ Возможны, но очень редки и иные основания переноса, например метафора.

с XI в. и позже упоминаются поселения *Броды*, *Волокъ* и *Волока*, *Камень*, *Луки*, *Острогъ*, *Устье*, *Холмъ*. Отличие этих топонимических метонимий от старых названий типа *Поле* заключается, так сказать, в изменении масштаба. Именуются обычные, а не огромные объекты. Несоизмеримая огромность признака не требуется — нужно, по-видимому, лишь его наличие. Таким признаком, кладущимся в основу топонимического имени, по-старому может быть номенклатурное название, и в древнерусский период чаще всего именно оно и становилось топонимической метонимией.

Однако нарицательное имя здесь не просто превращается в собственное только потому, что адресуется лишь одному объекту. Между нарицательным *устье* и собственным *Устье* незримо стоит весь класс топонимов-существительных, обосновывающий переход этого нарицательного имени в собственное, делающий его вполне обычным и уместным. Именно поэтому в восточнославянской топонимии после утверждения в ней существительного начала появляется множество топонимических метонимий, а в предшествующий период они встречаются редко ¹.

Топонимические метонимии были существительными и этим отличались от того типа, который приблизительно в XI в. стал в восточнославянской топонимии основным. Однако они не имели специальных топонимических суффиксов и этим отличались от большинства восточнославянских топонимов.

Поэтому возникла тенденция к замене топонимов типа *Брод*, *Город* образованиями *Бродок*, *Городок*, *Бродец*, *Городец*. Подобные замены совершались в различных районах восточнославянского ареала и были возможны в разное время вплоть до сегодняшнего дня. Распространенность таких замен делает обоснованным взгляд на топонимические метонимии как на относительно недолговечные собственные географические названия. Действительно, большинство ныне существующих в восточнославянских языках топонимических метонимий возникло недавно. С другой стороны, большинство топонимических метонимий, которые засвидетельствованы древнерусскими памятниками, ныне или исчезли вообще, или заменились другими образованиями, обросли топонимическими суффиксами.

Еще большее влияние основной словообразовательной группы восточнославянской топонимии испытали на себе топонимы, условно именуемые нами новыми субстантивированными прилагательными.

¹ По этим соображениям представляется не совсем удачным термин «первичные названия» («nazwy pierwotne»), употребляемый для определения топонимических метонимий С. Роспондом. (S. R o s p o n d. Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geograficznych. Wrocław, 1957, стр. 34 и след.). Только небольшая часть топонимических метонимий может быть отнесена с известным сомнением к первичным названиям.

Древние восточнославянские топонимы были, как мы это пытались выше обосновать, прилагательными. Потом они стали существительными, не только изменив синтаксические функции, но и полностью ассимилировавшись именами существительными. Однако новые топонимы-прилагательные продолжали появляться и после этого важнейшего сдвига в структуре восточнославянской топонимии. Ведь наименования давались географическим объектам по-прежнему по каким-либо их признакам, а признаки словесно чаще всего выражаются прилагательными.

В «Указателе к первым восьми томам Полного собрания русских летописей» (Отд. 2. Указатель географический. СПб., 1907) фиксируются, например, реки *Великая, Вороная, Полная, Черная*, поселения *Бъляя, Боголюбов, Несвъжский, Новый, Осиръчьский*. Современная восточнославянская топонимия изобилует подобными названиями.

Отличие этих новых субстантивированных прилагательных от старых топонимов типа *Киев, Курск* заключалось в том, что они, возникая в более поздний период, склонялись уже по членному прилагательному образцу.

Тенденция к словообразовательной унификации проявилась здесь, как и в топонимических метонимиях, в прибавлении к топонимам-прилагательным суффиксов существительных. В результате устранялось и прилагательное словоизменение. Например, названия улиц *Врагова, Мощеная* (Псков), *Лубяная* (Новгород) заменились соответственно на *Враговка, Мощенка, Лубянка* или *Лубяница*, город *Бъжицкий Верхъ* в Новгородской земле — на *Бъжицы, Бъжичи*, буковинский город *Черновский Торгъ* — на *Черновцы*. В последних двух примерах словообразовательная замена произошла, по-видимому, до распада топонимического словосочетания, собственно до субстантивации топонима.

Если в составе названия-прилагательного был суффикс, имевший уже традицию топонимического употребления, то оказывалось возможным изменение типа *Березовый — Березов* (город в Черниговской земле). Разница между притяжательным *-овъ* и относительным *-овый* утрачивалась, так как в обоих случаях суффикс имел уже одно значение — топонимическое.

При дальнейшем развитии восточнославянской топонимии, приблизительно с XIV—XV вв., отчетливо проявляется еще одна тенденция. Речь идет об углублении словообразовательных различий между существительными-топонимами и нарицательными существительными. Это вторая после перехода топонимов из прилагательных в существительные важнейшая словообразовательная тенденция восточнославянской топонимии.

С одной стороны, даже среди современных восточнославянских топонимов нет, или почти нет, таких словообразовательных средств, которых не было бы и среди нарицательных названий в общеязыковой системе. С другой стороны, словообразователь-

ные средства, прежде всего суффиксы, настолько разошлись в этих двух областях, что зачастую можно говорить об их омонимичности. Так, например, омонимичны топонимические суффиксы *-ов* и *-ин* и такие же суффиксы в нарицательных словах.

Обнаруживается несколько процессов, ведущих к словообразовательному обособлению топонимии внутри класса имен существительных. Одним из них было появление, а затем активизация сложных, двухэлементных топонимических суффиксов.

Такие двухэлементные суффиксы построены по модели: суффикс прилагательного + суффикс существительного, например *-овка*, *-овец* (множественное *-овцы*), *-инка*, *-инец* (и множественное *-инцы*), *-нища*, *-овища*, *-овичи*. В топонимию они пришли двумя различными путями. В одних случаях топонимы образовались от слов (часто тоже собственных географических названий), которые уже имели какой-либо суффикс прилагательного: *Ростовец* (от *Ростов*), *Киевец* (от *Киев*). В других случаях суффикс существительного наращивался на суффикс прилагательного в результате рассмотренной выше перестройки топонимов-прилагательных (*Врагова* — *Враговка*). Сложение суффиксов возникало здесь не при создании топонима, а в процессе его развития.

Со временем количество названий типа *Гороховец*, *Грабовец*, *Дмитровец*, *Дмитровка*, *Дубенка*, *Осиновец*³ непрерывно возрастало. И когда оказалось возможным производить подобные топонимы непосредственно от существительных, без промежуточного прилагательного этапа, сочетания двух разных суффиксов превратились в единые сложные суффиксы. Сравните, например, имя с. *Галищовка* в Черновицкой области, расположенного на р. *Галище*: прилагательный этап здесь был невозможен.

Подобные двухэлементные суффиксы есть и в нарицательных словах. Однако в топонимии они возникли самостоятельно, независимо от нарицательных. Обособлению топонимов в значительной мере содействовала утрата значений словообразовательных средств. Наричательные слова, даже близкозначные, отличаются прежде всего именно значением. А для топонимов, как и для собственных имен вообще, прежнее значение несущественно. Семантику здесь заменяет территория. Поэтому и словообразовательные средства в топонимах в отличие от нарицательных теряют свои семантические различия, сводясь к единому топонимическому значению. Продуктивным для топонимии семантическим различием словообразовательных средств является лишь разграничение по топонимическим классам (названия рек, названия населенных пунктов и т. д.). В пределах же одного класса топонимические словообразовательные средства, и прежде всего суффиксы,

³ Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отд. 2. Указатель географический. СПб., 1907, стр. 77, 94, 102, 325.

изначально весьма различные по своей семантике (и это различие изначально для топонимии было существенным), развивают совершенно одинаковые значения.

В связи с этим изменяются также закономерности сочетания производящих основ и словообразовательных средств. Общая тенденция заключается в значительном расширении круга основ, которые могут сочетаться с тем или иным суффиксом.

Это в свою очередь приводит к резкому расхождению продуктивности словообразовательных средств в топонимии и за ее пределами. Одинаковые словообразовательные средства имеют в собственных и нарицательных именах всегда неодинаковую продуктивность. В топонимии продуктивность словообразовательного средства с синхронической точки зрения имеет территориальную обусловленность и в отличие от нарицательных имен не зависит от семантической емкости данного словообразовательного средства.

Таким образом, возникнув на базе словообразования нарицательных имен прилагательных и затем существительных, словообразовательные средства восточнославянской топонимии стали в дальнейшем развиваться все более самостоятельно. Во многих случаях не может быть констатирована даже параллельность словообразования нарицательных и топонимических имен. Дальнейшим путем развития восточнославянского топонимического словообразования стало саморазвитие, то есть развитие внутри топонимии и по потребностям топонимии.

Соприкосновение нарицательных и топонимических имен, фактически утраченное в словообразовательных средствах, полностью сохранилось в производящих основах. Образование новых топонимов от нарицательных слов ничуть не утратило своей интенсивности. Достаточно активен и обратный процесс образования нарицательных слов от топонимических названий.